

© А. Г. Новожилов, Н. Б. Вахтин, С. А. Арцемович,
Ю. В. Рожкова, С. О. Ковальский, Д. А. Функ

“ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА” (продолжение дискуссии № 6–2018)

Ключевые слова: “этнологическая экспертиза” в России, оценка социального воздействия, коренные народы Севера

Настоящая подборка комментариев представляет собой продолжение дискуссии, которая была первоначально опубликована в № 6–2018 журнала “Этнографическое обозрение” и в которой обсуждались положения и аргументы, изложенные в статье Д.А. Функа «“Этнологическая экспертиза”: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов». Авторы рассуждают о проблемах понятия “этнологическая экспертиза”, о научных основаниях, практических достижениях этнологической экспертизы и содержании экспертных работ в России.

© А. Г. Новожилов

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИЛИ ПРАВОВОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ?

В шестом номере “Этнографического обозрения” за 2018 г. опубликована интересная дискуссия, посвященная этнологической экспертизе. В конце октября того же года в Санкт-Петербургском университете в рамках конференции “Мавродинские чтения” прошел круглый стол с обсуждением научных оснований и практических достижений этнологической экспертизы в России. Такое совпадение вряд ли случайно: оно свидетельствует о важности этого вопроса.

В статье Д.А. Функа, положившей начало дискуссии о сущности этнологической экспертизы (далее — ЭЭ), последовательно проводится идея о неоднозначности определения самого этого понятия, с чем следует согласиться. Из этого логично

Алексей Геннадьевич Новожилов | <https://orcid.org/0000-0002-2754-7909> | novogilov@mail.ru | к.и.н., доцент, заведующий кафедрой этнографии и антропологии | Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

вытекает размытость концепции проведения ЭЭ, которая, по мнению автора, зависит в первую очередь “от компетенции осуществляющих ее рабочих групп” (Функ 2018а: 76). Одной из ключевых причин такого положения вещей следует признать слабую взаимосвязь и взаимообусловленность различных законодательных актов, регулирующих осуществление экспертиз в области этнокультурного наследия, и реальной отечественной практики проведения научных работ, позиционирующих себя в качестве ЭЭ.

В ходе обсуждения статьи Д.А. Функа было высказано несколько точек зрения по данному вопросу. В частности, О.А. Мурашко полагает, что отсутствие законодательной базы отнюдь не препятствует проведению ЭЭ, понимаемой как научное социально-антропологическое исследование неотложного характера. Задачу таких исследований упрощает наличие пространного законодательства, обеспечивающего охрану окружающей среды (Мурашко 2018).

Другим авторам ситуация кажется более критичной. Н.И. Новикова высказала мысль о том, что наличие правовых документов об ЭЭ, на которые должны опираться эксперты, совершенно необходимо. Их недостаточность, а порой и отсутствие автор объясняет многочисленными сложностями (от технических до политических), которые возникают при подготовке и унификации законодательных актов об ЭЭ. Вопрос о соотношении законодательной базы и самой экспертизы Н.И. Новикова решает двояко. С одной стороны, она акцентирует внимание на необходимости учета мнения антропологов при формировании юридических основ ЭЭ, а также на обязательности проведения антрополого-юридических исследований. С другой — признает право на уникальность заключений-исследований в рамках ЭЭ (Новикова 2018а).

Наиболее радикальную позицию занял А.Н. Слепцов. Главную проблему успешного проведения ЭЭ он видит в противоречиях и пробелах в законодательной базе, регулирующей взаимоотношения между властными органами, хозяйствующими субъектами и коренным населением. Сегодня эти отношения, по мнению автора, определяются скорее историческими “традициями добрососедства” и “обычаем делового оборота”, нежели четкими формулами закона (Слепцов 2018: 93).

Следует отметить, что противоречия в законодательной базе, на которую могла бы опираться ЭЭ, отмечались в научной литературе и ранее. В частности, Ю.Я. Якель обратила внимание на отсутствие согласованности между уже существующим законодательством об охране прав КМНС и Земельным, Лесным и Водным кодексами. Кроме того, по ее мнению, в законодательстве преобладает декларация учета прав КМНС, в то время как конкурсы и аукционы, связанные с использованием недр, регулируемые иными правовыми актами, девальвируют первоначальные установки (Якель 2008: 9–10, 14–17). Все эти противоречия требуют разрешения, а нормативная база должна быть “привязана” к практике ЭЭ. И тот факт, что сразу несколько участников дискуссии высказались на тему законодательных основ этнологической экспертизы, говорит о насущности теоретического и практического ее развития. С необходимостью соотносить свои исследования с существующими правовыми документами (или компенсировать их отсутствие) практикующие специалисты ЭЭ сталкиваются в своей работе на каждом шагу.

В заглавие моего комментария вынесен один из ключевых вопросов формирования экспертной процедуры в области сохранения этнокультурного наследия. Действительно, что должен представить исполнитель заказчику? Научное исследование? Но в какой области: этнографии, социологии, археологии, экологии или в комбинации этих дисциплин? Правовое заключение? Но на основании каких регулирующих документов: законов, распоряжений, уставов? Может быть, что-то среднее, например, научный отчет с упоминанием существующих юридических актов? Чаще всего встречается именно последнее. В качестве примера можно привести

самые крупные и известные опубликованные отчеты, поскольку именно они наиболее ярко отражают общую тенденцию (Новикова 2008; Головинёв и др. 2014; Функ 2015).

Но очевидно, что подобный подход слишком произволен и зависит в первую очередь от интересов самого эксперта. Безусловно, подчиненность такого исследования главным задачам — урегулированию потенциальных конфликтов интересов и соблюдению прав коренного населения, ведущего традиционный образ жизни — делает его очень важным. Но является ли оно в точном понимании экспертизой?

Считаю, что наступил момент (в связи с подготовкой Федерального закона об ЭЭ), когда необходимо четко определить, какова процедура этнологической экспертизы. По моему мнению, в идеале это должно быть правовое заключение, опирающееся на скоординированную систему федеральных и местных законов, распоряжений административных и контрольных органов, уставов охраняемых территорий и судебных решений, а все эти составляющие должны основываться на научных исследованиях. Естественно, что этот идеал не может быть достигнут разом, но движение к нему уже стоит считать достижением.

Содержательно документы, определяющие ЭЭ, могут быть весьма разнообразными. В первую очередь на ум приходят реестры охраняемых территорий и объектов этнокультурного наследия (или реестры этнокультурных явлений: ритуалов, праздников, фольклорных текстов), описания моделей традиционного природопользования, соционормативные кодексы, формальные правила, принятые в локальных или сетевых сообществах. Эти документы тоже должны составляться на основе научных исследований, проведенных по заказу законодательных или исполнительных органов власти, дирекций охраняемых территорий, руководства этнокультурных обществ и организаций, возможно, судебных и надзорных органов. Необходимо, чтобы за каждым законом об ЭЭ (существующим или планируемым) стояли подобные разработки, вероятно, оформленные в виде правовых документов, описывающих модели, с которыми и можно было бы сравнивать наблюдаемую действительность.

Рассмотрим каждый из предлагаемых документов в отдельности. Благодаря тому что этнологическая экспертиза во многом выросла из этноэкологической (Степанов 1999), наиболее проработанными на настоящий момент кажутся проблемы охраны традиционного природопользования. Многочисленные научные исследования позволяют уже сегодня применительно к каждой этнокультурной группе (или ее локальному варианту) составить подробные описания основных составляющих хозяйственной деятельности, бытового уклада, материального обеспечения (а в отдельных случаях и сопутствующих им социальных и идеологических моделей). Причем это можно сделать как в отношении коренных малочисленных народов, так и применительно к локальным группам крупных наций, ведущим преимущественно аграрный (с непринципиальной долей товарного производства), относительно замкнутый образ жизни. На основе этих описаний и возможно формирование юридических документов с приложениями, содержащими научные отчеты, с помощью которых эксперты смогут расширить свои представления о том или ином явлении. При подготовке этих отчетов можно, в частности, опираться на уже разработанные рекомендации по управлению экосистемными услугами. Параллельно следует проводить антрополого-юридические исследования, способствующие унификации терминологии правовых актов (Новикова 2018а: 90). Сами же правовые акты могут представлять собой перечни критериев традиционного природопользования для каждой группы, по которым и будет определяться: кого и что охранять и/или поддерживать организационно и финансово.

Второй тип правовых документов, определяющих процедуру этнологической экспертизы, — реестры объектов (территорий, явлений) этнокультурного наследия¹. Для их составления необходимо формировать специализированные

этнографические экспедиции, ориентированные на выявление территорий, материальных объектов, а также, возможно, социальных институтов и явлений духовной культуры, которые потом будут внесены в специальный перечень, для того чтобы их охранять, поддерживать финансово и организационно, наделять льготами относящихся к ним контрагентов. У этого варианта есть существенный недостаток: попадая в реестр, территории, объекты и явления становятся столь же малодоступны для носителей этнокультурного наследия, как и для других групп населения, или, как минимум, доступ к ним ограничивается бюрократическими барьерами.

Наконец, третий вариант. Он наиболее спорный, и его контуры весьма зыбки. Но следует рассмотреть и его. Очевидно, что большинство межнациональных конфликтов вырастает не только из непосредственного дефицита материальных благ и территорий, но и из несовместимости соционормативных установок: этикета, дресс-кода, ритуальных практик, других менее жестко регламентированных поведенческих моделей. Поэтому регулирование в этой сфере требуется в неменьшей степени, чем в случае с традиционным природопользованием или объектами этнокультурного наследования. Однако здесь главная инициатива (что и как конкретно охранять) должна оставаться за законодателями, поскольку нет практики подобной деятельности. Естественно, что чем жестче установки, тем проще их описывать. Но этнографы вынуждены будут фиксировать более подробно соционормативное поведение, принятое в разных этнокультурных группах.

На начальном этапе процедуры составления предлагаемых моделей, реестров или кодексов можно проводить в соответствии с алгоритмом, описанным в ходе дискуссии А.Н. Слепцовым: “Экспертная комиссия на основании выводов исследования готовит заключение этнологической экспертизы... которое утверждается Правительством Якутии (или любого другого субъекта Федерации. — А.Н.), а следовательно, приобретает силу закона...” (Слепцов 2018: 94). Замечу, что речь идет о временной ситуации и, следовательно, временном правовом статусе этих актов. Они могут разрешать реальные или предотвращать потенциальные конфликты сегодняшнего дня. Заменить полноценные законы они не могут. Иначе при формализации результатов нескольких экспертных заключений, разработанных разными коллективами авторов, мы рискуем столкнуться с ростом в геометрической прогрессии противоречий. Конечным итогом в любом случае должны стать разработанные в сотрудничестве с юристами и принятые законодательными или исполнительными органами правовые акты.

Подводя итог, отмечу, что сегодня этнографическое сообщество и тем более регулирующие органы не вполне готовы к тому, чтобы этнологическая экспертиза стала *исключительно* правовым заключением, позволяющим оценить: а) современное состояние отдельных отраслей этнической культуры любой из рассматриваемых этнолокальных групп РФ, б) возможные негативные последствия для этнической культуры этих групп в случае индустриального или постиндустриального освоения территории их проживания. Это невозможно вследствие немногочисленности и порой противоречивости регулирующих документов. Позитивным, однако, следует признать наличие исследований, принимаемых сегодня за этнологическую экспертизу, благодаря которым мы можем накапливать фактическую и теоретическую базу для составления подобных документов.

Примечания

¹ Эту идею автору любезно предложил В.В. Степанов.

© Н. Б. Вахтин

**ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
ЭТНОСЫ ИЛИ ЛЮДИ?**

Как известно, понятие этнологической экспертизы было введено в России в 1999 г. Федеральным законом “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”. В нем этнологическая экспертиза (далее — ЭЭ) определяется как “научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса” (82-ФЗ 1999. Ст. 1).

В этой формулировке есть как минимум две странности. Во-первых, закон трактует *изменения исконной среды обитания* и *изменения* социальной и культурной *ситуации* как равнозначные: влияние на жизнь людей природных и антропогенных факторов с точки зрения ЭЭ не различается. Возможно, правы те, кто считает подобное дихотомическое разделение окружающей среды устаревшим и искусственным социальным конструктом (ср.: “Мы сами <...> часто разделяем окружающую нас среду на пары, по принципу присутствия или отсутствия человеческого воздействия на природу” [Дескола 2012: 52]); однако все же “изменения исконной среды обитания” могут быть обусловлены разными причинами, которые для целей ЭЭ необходимо продолжать различать — и вот почему.

Изменения могут произойти под влиянием, например, изменений климата или глобального потепления. Вспомним детально описанное в литературе размывание береговой кромки в некоторых районах Северной Аляски, в результате чего в ряде прибрежных поселков часть домов оказалась под угрозой обрушения и населенные пункты пришлось переносить дальше от берега. Есть гипотеза, что это потепление в какой-то мере вызвано деятельностью человека, однако считать, что оно на 100% является результатом антропогенного воздействия, оснований все-таки нет.

Изменение среды обитания может быть и следствием деятельности людей: например, поселки могут переселяться в связи со сменой политики государства (как в северных районах СССР в 1950-е годы), в результате строительства ГЭС (как в Северной Канаде в 1970-е годы), газопроводов, промышленных центров, портов, военных баз и т.д. (как во всем арктическом мире в последние полвека).

Кажется, что формулировка закона вменяет этнологической экспертизе в обязанность оценивать все изменения — и природные, и антропогенные. Да, ЭЭ способна оценить последствия строительства дороги, газопровода или порта, запрета на преподавание родных языков или политики закрытия “неперспективных” поселков, т.е. сознательных действий одних людей, разрушающих среду обитания других. Но не дело ЭЭ заниматься исследованием последствий *природных* изменений, которые тоже разрушают исконную среду обитания: например, образование нового русла реки, новой береговой линии или циклическое обмеление озер. Вначале нужно доказать, что все это — результат антропогенного воздействия, а это уже задача других

Николай Борисович Вахтин | <https://orcid.org/0000-0002-4011-2141> | vakhutin@eu.spb.ru | д. филол. н., профессор, чл.- корр. РАН, руководитель Центра социальных исследований Севера | Европейский университет в Санкт-Петербурге (ул. Гагаринская 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский фонд фундаментальных исследований, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [проект № 15-18-60108]

специалистов. Представляется, что трактовка природных и антропогенных изменений исконной среды обитания как равноценных лишает ЭЭ смысла.

На вторую странность обратили внимание практически все участники дискуссии в “Этнографическом обозрении”. По формулировке Д.А. Функа, это определение (и многие другие определения ЭЭ) ориентировано “исключительно на защиту среды обитания и культур коренных малочисленных народов Севера... и практически все они [определения]... без каких-либо обоснований выдвигают на первый план именно этническую компоненту экспертных работ...” (Функ 2018а: 68). В подтверждение приведу цитату из известной статьи: “...этнологическая экспертиза стала уже элементом общественного правосознания на Севере, где она представляется как экспертное заключение о влиянии хозяйственных проектов на *сохранение и развитие образа жизни коренных народов* (курсив мой. — Н.В.)” (Гучинова, Комарова 2011). Такие примеры легко умножить.

Этот подход ограничивает возможности ЭЭ, а иногда и делает ее невозможной. Интересна реплика Е.И. и В.Р. Филипповых в дискуссии в “Этнографическом обозрении”: на Алтае в 1989 г. планировалась ЭЭ поначалу именно как исследование ситуации с “алтайским этносом”, но эксперты быстро поняли, что “алтайский этнос” тут ни при чем, и в итоге профессионально провели экспертизу оценки социального воздействия (*social impact assessment, SIA*).

Н.И. Новикова в своей реплике справедливо напоминает, что в разработке Федерального закона “Об экологической экспертизе” 1995 г. участвовали политики, активисты, крупные российские ученые: “Объединив усилия, они смогли сформулировать важнейшие, действенные практические подходы”, — и задается вопросом: “Почему это пока не удалось сделать нашему профессиональному цеху?” (Новикова 2018а: 89). Полагаю, что именно потому, что “наш цех” пытается проводить ЭТНОлогическую экспертизу, т.е. экспертизу ситуации с этносом или этнической группой. Убежден, что это тупиковый путь, и сколько ни совершенствуй ЭЭ — ничего получить не может.

Вряд ли требует доказательств утверждение, что все техногенные изменения — и природные, и антропогенные — затрагивают не только и даже не столько “малочисленные народы”, сколько *всех людей*, живущих в регионе. Приведу пример *антропогенного* воздействия на среду обитания. На северо-восточной оконечности Евразии существовал древний эскимосский поселок Наукан. В 1950-е годы сюда пришли военные, им приглянулась скала, на которой стоял Наукан, и его решено было расселить. Затронуло ли насильственное переселение в 1958 г. (Членов, Крутник 2016) весь малочисленный народ эскимосов? Нет, оно коснулось только его представителей в самом Наукане, а также жителей (далеко не только эскимосов) Уэлена, Лаврентия и других поселков и городов, в которые перевезли жителей Наукана.

Пример *природного* воздействия на среду обитания: климатические изменения на самом севере Аляски, в результате которых стала разрушаться береговая линия от Point Barrow (п. Уткиагвик) до Prudhoe Bay. Затронули ли эти изменения весь малочисленный народ инуитов (*Iñupiat*)? Нет, они коснулись лишь коренных жителей этого района и при этом не только их. По официальным данным в 1940–1950-е годы с приходом военных и строительством системы раннего предупреждения ракетной атаки (*Distant Early Warning System*), а также в связи с разведкой шельфового газа изменился баланс населения территории: в 2015 г. из почти 5 тыс. жителей инуиты составляли 63%¹. Таким образом, разрушение береговой линии затронуло не только 3150 инуитов, живущих в регионе, но и 1850 других жителей, не имеющих отношения к этому этносу. Это лишь два примера, но их можно найти сколько угодно.

Другими словами, если рассматривать ЭЭ применительно к конкретным ситуациям изменения исконной среды обитания (а как еще ее рассматривать?), то можно с уверенностью говорить, что никакое антропогенное или природное воздействие

не затрагивает малочисленный народ в целом — лишь его часть, и никакое воздействие не затрагивает только представителей малочисленного народа — всегда кого-то еще.

Не случайно практически все участники дискуссии в “Этнографическом обозрении” постоянно пишут о “коренном и местном населении”. Так, О.А. Мурашко совершенно справедливо говорит, что “коренное и местное население... является... особо уязвимой группой” (Мурашко 2018: 85) — привычка заставляет использовать именно такую формулировку, хотя почему бы не сказать просто “люди, живущие на Севере”?

Н.И. Новикова, перечисляя “стейкхолдеров” ЭЭ (Новикова 2018а: 91), упоминает коренные народы (“этнические общности”), промышленные компании и государственную власть, но ни слова не говорит просто о людях (не коренных, не чиновниках муниципалитета или сотрудниках компаний), которые живут в регионе. Только в самом конце ее реплики появляется обязательное “коренные народы и местное население”; но и здесь можно было бы задать тот же вопрос: зачем выделять “коренное население”, чтобы потом соединить его с “местным”? И как быть с “приезжими”, которых промышленное развитие касается в неменьшей степени? Мы знаем, что коренное население Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) составляет приблизительно 6,3% всех проживающих в этом регионе (около 160 тыс. человек). Сколько там “местного населения” — никто не считал, но сколько бы его ни было, вместе с “приезжими” оно составляет 93,7% (2,5 млн человек). Вряд ли допустимо игнорировать это большинство при оценке воздействия промышленного развития на регион.

Исторически сложившаяся к началу 1990-х годов ситуация в последнее время значительно изменилась, в связи с этим необходим пересмотр принципов ЭЭ. И хотя специальная защита КМНС в некоторых случаях в отдельных регионах нужна, гораздо нужнее закон, который защищал бы все население Севера, прежде всего сельское и прежде всего в АЗРФ, на которую направлено сегодня особое внимание государства². Учитывая исключительную важность Арктической зоны не только как места, где добываются углеводороды, но и как потенциальной территории “опорных точек” Северного морского пути, можно прогнозировать быстрые и решительные действия здесь правительственных ведомств и крупных частно-государственных компаний.

Многие авторы реплик в дискуссии в “Этнографическом обозрении” называют ее своевременной. Не могу согласиться: эта дискуссия, на мой взгляд, опоздала. Как явствует из реплики В.В. Поддубикова, “государственная повестка в данном вопросе в основном ясна” (Поддубиков 2018: 96): закон об ЭЭ будет принят. Очень жаль, поскольку уже сейчас очевидно, что он не может и не будет работать, в первую очередь потому, как пишет В.В. Поддубиков, что российские этнологи концептуализируют этнологическую экспертизу как этноориентированное прикладное исследование (Там же: 97), а ориентация на “этнос” (или на КМНС) в современных российских условиях потеряла остатки смысла. “Романтизированный образ уязвимого этноса, готового вот-вот исчезнуть под натиском планируемых индустриальных проектов”, перестал соответствовать реальности (Там же).

Из совершенно верного утверждения Д.А. Функа о том, что “в настоящее время в России нет четко выработанной общепринятой научной концепции *этнологической экспертизы*” (Функ 2018а: 76), можно сделать один из двух выводов: либо необходимо совершенствовать закон об ЭЭ, либо нужно вовсе отказаться от него и найти какие-то иные пути, например “начать, наконец, использовать накопленный в мире позитивный опыт проведения SIA” (Там же). Однако ссылки на “положительный западный опыт” не вполне убеждают. Во-первых, в Канаде, на которую ссылается Д.А. Функ, совсем другой уровень юридической грамотности населения

и прочно укоренилась привычка во всех случаях обращаться к юристам, квалификация которых в среднем выше, чем у нас. Во-вторых, что гораздо важнее, в Канаде ЭЭ также обращает внимание преимущественно на “проблемы взаимоотношений добывающих компаний и коренных народов”, т.е. использует тот же самый этнический компонент. И если для Канады успешное проведение SIA еще с грехом пополам возможно, то в большинстве конкретных российских ситуаций это просто не будет работать.

Какие еще возможны пути? Д.А. Функ справедливо пишет, что «...попытка привязать “этнологическую экспертизу” именно к работе экологов <...> виделась в то время [в начале 1990-х годов] одним из наиболее простых путей легитимации ЭЭ» (Там же: 69). Может быть, пора вернуться к этой идее? Введение в действие приказа Госкомэкологии РФ № 372 от 16.05.2000, установившего порядок и определившего методы проведения государственной экологической экспертизы, вызвало противоречивую реакцию участников дискуссии: от уверенности, что этот приказ сводит возможности оценки воздействия тех или иных проектов на социум в рамках именно экологической экспертизы к нулю (Функ), и до убеждения, что он предусматривает все, что нужно для ЭЭ (Мурашко), в частности оценку возможных “экологических и связанных с ними социальных, экономических и иных последствий реализации намечаемой деятельности” (Положение 2000. П. 1.5). Чтобы этот приказ заработал, из него нужно лишь убрать этнический компонент.

Как только мы назовем деятельность по оценке “экологических и связанных с ними социальных, экономических и иных последствий реализации намечаемой деятельности” этнологической экспертизой, мы вынуждены будем рассматривать все проблемы, относящиеся к компетенции ЭЭ, применительно к “народу” или “этносу”. При этом В.В. Степанов совершенно верно писал еще 10 лет назад: “Вещественным предметом [объектом] экспертизы должны быть не этнические группы или культуры, а документы” (Степанов 2009: 155).

В 1995 г. был принят Федеральный закон “Об экологической экспертизе”. “Экологическая экспертиза — установление соответствия документов и (или) документации, обосновывающих намечаемую в связи с реализацией объекта экологической экспертизы хозяйственную и иную деятельность, экологическим требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области охраны окружающей среды, в целях предотвращения негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду” (174-ФЗ 1995. Гл. 1. Ст. 1). То есть речь идет о сравнении двух документов (двух “текстов”). Почему этого закона оказалось недостаточно и почему эксперты-этнологи тогда же стали настаивать на необходимости другого типа экспертизы — этнологической? Думаю, что это было “веление времени”: в те годы КМНС действительно нуждались в защите, и казалось, что защитить их проще всего через закон.

Можно предложить как один из путей решения проблемы следующее: попытаться ввести в законодательство в области охраны окружающей среды соответствующие изменения. Так, например, по закону “Об охране окружающей среды” “объектами охраны окружающей среды... являются компоненты природной среды, природные объекты и природные комплексы” (7-ФЗ 2002. Гл. 1. Ст. 4). Если поменять эту формулировку, дополнив ее культурной составляющей: “Объектами охраны окружающей среды... являются компоненты природной *и культурной* среды, природные *и культурные* объекты и природные *и культурные* комплексы”, введя определение “окружающей среды”, которого в настоящее время в законе, кажется, нет (есть только “благоприятная окружающая среда”), — не решит ли это задачу?

Я не юрист и законы писать не умею, но думаю, что именно здесь лежит самый короткий и самый простой путь к защите человека от последствий его собственной деятельности.

Примечания

¹ Official Website of the North Slope Borough Harry K. Brower Jr. Mayor. <http://www.north-slope.org/our-communities/utqiagvik>

² “Вместо государственной поддержки мало- или многочисленных народов следует защищать образ жизни тех конкретных людей и семей, которые зависят от экстенсивного полунатурального хозяйства (причем такая защита должна предоставляться независимо от этнической принадлежности; именно таким людям и семьям и должны выделяться квоты на пользование природными ресурсами). <...> Такие меры могли бы положить конец дебатам о том, кто достоин поддержки, а кто не должен ее получать, и той социальной несправедливости, при которой соседи в деревне, зависящие от одних и тех же ресурсов, дискриминируются на основе национальной принадлежности”. И далее: “Пока закон ориентирован на поддержку народов, логика принятия бюрократических решений заставляет прежде и не помышлявших об этом людей требовать отдельности и самостоятельности, а нечеткость и неурегулированность политики признания приводит к мздоимству и конфликтам...” (Соколовский 2012).

© С. А. Арцемович

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ОВОС: ПРИМЕР УГЛЕДОБЫЧИ В КУЗБАССЕ

С представленной в № 6 2018 г. в журнале “Этнографическое обозрение” статьей Д.А. Функа «“Этнологическая экспертиза”: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов», на мой взгляд, трудно не согласиться в плане оценки ситуации с ЭЭ у нас в стране в целом. Вместе с тем как в самой исходной статье, так и, скорее, в последовавших на нее откликах есть отдельные моменты, которые могут быть обсуждены более детально. Попробую сделать это, опираясь на свой опыт изучения одного из ресурсных конфликтов в Кузбассе, мониторинг которого проводится мной с 2013 г.

Но сначала одно общее наблюдение за экспертными антропологическими работами в России в последние примерно 20–25 лет. Знакомство с доступными отчетами и публикациями дает возможность заметить, что большинство исследований связано с ситуациями, в которых промышленность представлена добычей нефти и газа, а местное население — кочевыми или полукочевыми индигенными этническими группами (Головнев и др. 2014; Новикова 2008, 2014, 2018б; Мартынова, Новикова 2011 и др.). Лишь незначительная часть экспертиз сталкивается с иными акторами и ситуациями, в частности с городским/сельским населением или добычей угля, леса и иных полезных ископаемых (Садовой 2005, 2008 и др.). Все это, во-первых, дает повод задуматься об объекте ЭЭ, а во-вторых, дает основание предполагать, что накопленный опыт проведения ЭЭ, учитывая все его достоинства и недостатки, может быть применен не ко всем ситуациям, потенциально требующим экспертного вмешательства антропологов. Это, думается, усиливает и актуализирует тезис автора об “узости” существующих отечественных практик проведения ЭЭ, т.е.

Сергей Александрович Арцемович | <https://orcid.org/0000-0002-7185-8501> | s.artsemovich@gmail.com | соискатель кафедры антропологии Факультета исторических и политических наук | НИ Томский государственный университет (пр. Ленина 36, Томск, 634050, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 15-18-00112]

зацикленности их на поиске наиболее этнографичных акторов в виде кочевого населения, окруженного трубами (а не, например, угольными разрезами), и соответствующих контрагентов — нефтяников или газовиков (а не представителей иных промышленных, да и не только промышленных корпораций).

Одной из затронутых в дискуссии тем стала роль ОВОС как института защиты населения от намечаемой хозяйственной деятельности. В своей реплике О.А. Мурашко (с. 82–86) акцентировала внимание на положениях об ОВОС и на собственном исследовательском опыте в Ненецком автономном округе (с. 84) в попытке продемонстрировать важность данного института в рамках экологической экспертизы. Возможно, в каких-то случаях ОВОС может иметь некое значение, но мой опыт изучения конфликтной ситуации вокруг п. Казас в Кузбассе (*Поддубиков и др.* 2018; *Арцемович* 2018) свидетельствует, скорее, о бессильности ОВОС и отсутствии какой бы то ни было политической значимости этого института.

В 2012 г. разрез “Кийзасский”, входящий в угольную компанию “ВостокУголь” (которая, в свою очередь, входит в АО “Сибирский антрацит”; контролирующий акционер — “Группа АЛЛТЕК”), получил лицензию на добычу угля в акватории нижнего течения р. Мрас-Су (где на тот момент были расположены населенные пункты Чувашка и Казас — места компактного проживания шорцев, одного из КМНС) и уже в 2014 г. начал выпускать товарную продукцию. На стадии строительства в 2012 г. компанией “ИнЭка-консалтинг” была проведена предварительная экологическая экспертиза одного из участков разреза “Кийзасский”. В этой экспертизе можно найти следующие заключения: значительное воздействие разреза на ландшафт и геологическую среду; близкое расположение населенных пунктов (2–7 км); ухудшение рекреационной функции территории (загрязнение атмосферного воздуха, акустическое воздействие, вибрация при добыче угля); неизбежное полное или частичное нарушение территории водосборов, утрата малых рек и ручьев; воздействие на лесные ресурсы, что может отразиться на ведении традиционных видов хозяйственной деятельности шорцев.

В марте 2013 г. та же компания проводила в п. Чувашка общественные обсуждения проекта. Жителям предлагалось выразить свое отношение к строительству разреза в форме письменных комментариев, которые затем были представлены в материалах ОВОС². Почти во всех комментариях выражалось отрицательное отношение к строительству разреза. Однако публичные слушания (одна из частей общественного обсуждения) по вопросу открытия “Кийзасского” разреза прошли не в п. Чувашка, для которого потенциально опасна деятельность предприятия, а в с. Красная Орловка, на которое это воздействие не может распространиться. Более того, словно в насмешку, решение там принимали четыре человека, двое из которых — местный глава администрации и заместитель генерального директора разреза³. Хотя результаты исследований экологов компании “ИнЭка-консалтинг”, безусловно, заслуживают внимания с точки зрения использованных методик, но они — в соответствии с нынешней законодательной базой — оказались совершенно не способны защитить население от промышленного воздействия. Добывающая компания (а с ней, по сути, и региональная администрация) отчетливо продемонстрировала безразличие и к позиции местного населения, и к экспертным заключениям.

Мои материалы вполне можно использовать как дополнительный аргумент для утверждения о недостаточности как ОВОС, так и экологической экспертизы в оценке социальных последствий промышленных проектов, в “предотвращении или смягчении воздействия (их) деятельности на окружающую среду...” (Положение 2000. П. 1.2). Во всяком случае, единственными инструментами защиты территорий и тем более людей в современном правовом поле страны они пока быть не могут.

Надеюсь, что предложение Д.А. Функа активнее использовать подходы и методы наших зарубежных коллег, накопивших немалый опыт за последние полвека в оценке социального воздействия любых управленческих решений, будет услышано отечественным антропологическим научным сообществом и найдет в итоге свое место в правовом поле российского законодательства.

Примечания

¹ К сожалению, перечисленные в примечаниях электронные ресурсы уже удалены из общего доступа в интернете. Всем, кого заинтересуют данные документы, могу переслать сохраненные копии по электронной почте.

Предварительная экологическая оценка территории намечаемой деятельности ООО “Разрез Кийзасский” на участке недр “Урегольский” Урегольского каменноугольного месторождения. С. 49. ООО “ИнЭКА-консалтинг”. <https://ineca.ru/download.php?about/news/2013/01/30/&reo.pdf>

² Оценка воздействия на окружающую среду намечаемого строительства угледобывающего предприятия ООО “Разрез Кийзасский” на участке “Урегольский” Урегольского каменноугольного месторождения в Кемеровской области. Кн. 2: Материалы общественных обсуждений (итоговый отчет). ООО “ИнЭКА-консалтинг”. С. 64–83. http://www.ineca.ru/download.php?about/news/2013/03/20/&OVOS_Razrez_Kiyzasskiy_Book_1.pdf

³ Там же: 15–16.

© Ю.В. Рожкова

ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ: ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА VS ОЦЕНКА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В статье, послужившей началом дискуссии, Д.А. Функ (Функ 2018а) призывает коллег-антропологов обратиться к международному опыту проведения исследований влияния хозяйственной деятельности на аборигенные сообщества, заменить понятия и принципы этнологической экспертизы (далее — ЭЭ) практиками и процедурами оценки социального воздействия, которая осуществляется не только в отношении коренных сообществ, но всех групп, подверженных влиянию (*impacted communities*).

Основной аргумент автора статьи: наличие выработанных в практике оценки социального воздействия понятных процедур проведения такого рода исследований, которые позволяют более адекватно определить степень влияния компаний и разработать механизмы защиты/сотрудничества для местного населения. Я согласна с Д.А. Функом, мне представляется важным изменить подход к выполнению прикладных исследований и экспертиз. В своей реплике я бы хотела дополнить приведенный выше аргумент, сделав акцент на прикладных исследованиях оценки проектов развития как еще одном процессе, влияющем на жизнь аборигенных или просто локальных групп, что, как мне представляется, невозможно при сохранении понятий и смысла этнологической экспертизы.

Юлия Владимировна Рожкова | <https://orcid.org/0000-0003-4678-0682> | konovalova-msu@yandex.ru | аспирант кафедры этнологии | Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Ленинские горы 1, Москва, 119991, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 15-18-00112]

В Международной ассоциации оценки социального воздействия (IAIA) выделяют несколько типов прикладных исследований, позволяющих проанализировать какие-либо влияния со схожими принципами. Помимо оценки воздействия на окружающую среду (в российской практике ОВОС, в международной — *environmental impact assessment, EIA*) и оценки социального воздействия (*social impact assessment, SIA*), подразумевающих исследования влияния на экологическую и социальную сферы конкретного проекта (о них в большей степени писали коллеги в своих репликах), я бы хотела подробнее рассмотреть еще одну оценку, которая мне также представляется важной и в некотором смысле объединяющей и дополняющей объекты вышеназванных исследований. Речь идет об анализе стратегических программ развития и стратегических проектов (преимущественно государственных).

Оценка стратегического воздействия (*strategic impact assessment* или *strategic environmental assessment, SEA*) применяется на этапе планирования государственных программ развития (национальных или региональных), и главная ее цель — проанализировать, насколько они будут отвечать принципам устойчивого развития и какое воздействие окажут на окружающую среду, экономику и общества, которые попадут под влияние (*Partidario* 2012). При этом она не отменяет и/или не заменяет оценки социального воздействия и воздействия на окружающую среду, а дополняет их и предшествует им. SEA предполагает большую длительность, проработку большего числа альтернативных сценариев. В отличие от EIA и SIA она фокусируется не на получении разрешения на реализацию того или иного проекта, а на выработке политик, планов и программ, которые будут спускаться на более низкие исполнительские уровни (OECD 2006: 32). Законодательно оценка стратегического воздействия закреплена в Евросоюзе (European SEA Directive 2001); выпущены международные руководства по ее проведению (OECD 2006; UNEP 2009; World Bank 2011).

Подобный вид оценки требует интердисциплинарного подхода, однако пока в нем мало задействованы антропологи¹, хотя мне представляется, что это могло бы быть одной из возможностей расширения нашего поля прикладных исследований. Так, например, если говорить об изучении отношений коренных сообществ, промышленности и власти, то, вероятно, предварительный анализ национальных программ развития регионов (Дальнего Востока, Арктики) мог бы снизить градус напряженности, поскольку местное население не ставили бы просто перед фактом, что вблизи их мест проживания планируется построить карьер или проложить нефтепровод (ситуация, в которой локальное сообщество уже сталкивается с конкретными компаниями, планирующими здесь работать), а проговаривались бы заранее, “на берегу”, все потенциальные ограничения, возможности и потребности людей. Кроме того, мне кажется, что требуемый холистический подход к проведению оценки стратегического воздействия (OECD 2006: 17) близок как один из главных принципов работы практикам социальных антропологов. Полагаю, что именно эти специалисты могли бы сыграть позитивную роль в исследованиях, касающихся социального измерения SEA.

Здесь я хочу обратиться к инициативе по оценке государственных проектов (планов?) в рамках проведения этнологической экспертизы. В российской практике не сложилось общего понимания ЭЭ (Функ 2016; Данилова 2018), поэтому (а может быть и вследствие этого) до сих пор идут обсуждения федерального закона, который упорядочил бы такие исследования. В ходе общественных слушаний, прошедших уже более года назад, было предложено “предусмотреть обязательность проведения [ЭЭ]... при реализации масштабных государственных проектов” (Заключение 2018). Это можно расценить как шаг навстречу мировой практике (осознанный или нет), однако, на мой взгляд, осуществлять такого рода исследования в рамках этнологической экспертизы не получится. Одна из причин — это сохраняющийся в законодательстве (и в региональном, и в федеральном) патерналистский и романтизирующий подход к аборигенным сообществам, как отметили Д.А. Функ (Функ

2018а) и В.В. Поддубиков (*Поддубиков* 2018) в своих текстах. Такой подход исключает возможность равноправного диалога (см. также: *Басов* 2018), даже (пример Якутии) несмотря на то, что в республиканском законе этнологическая экспертиза намеренно вынесена в раздел частного права, как подчеркивает в своем комментарии А.Н. Слепцов (*Слепцов* 2018)². Кроме того, в законодательстве (в первую очередь республиканском) термины и понятия сформулированы очень узко (Постановление 2011), в то время как государственные (или, как они чаще называются, “национальные”) проекты подразумевают комплексность и широкий горизонт охвата. Поэтому непонятно, что должна оценивать экспертиза: то ли исключительно стратегии и политики в отношении проблем КМНС, то ли региональные проекты развития. Важным ограничением представляется и низкий уровень вовлечения коренных сообществ в проведение оценки при существующем законодательстве и фактическом отсутствии механизмов контроля и со-управления, на что также обращает внимание в своей статье Д.А. Функ.

Инициатива проведения оценки государственных/национальных проектов и планов заслуживает дальнейшей разработки и претворения в жизнь. Тем не менее, думаю, более продуктивным было бы реализовать эту идею в рамках не этнологической экспертизы, а более комплексных прикладных исследований с использованием междисциплинарного подхода. А для этого и следует обратиться к существующему международному опыту, так же как и в случаях оценки проектного воздействия.

Примечания

¹ Об этом можно судить, в частности, на основе обзора академических работ по EIA и SEA (*Fischer, Hayes* 2015).

² Доказательством такого неравноправия могут служить примеры невыполнения компаниями предписаний этнологической экспертизы (см., напр.: *Мартынова, Новикова* 2011) или частичного выполнения, как на это указывали в своих репликах Н.И. Новикова (*Новикова* 2018а) и А.Н. Слепцов (*Слепцов* 2018).

© С. О. Ковальский

ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ АНТРОПОЛОГИИ И ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В статье Д.А. Функа, опубликованной в рамках дискуссии в № 6 “Этнографического обозрения” за 2018 г., и комментариях к ней (в первую очередь Н.И. Новиковой и В.В. Поддубикова) этнологическая экспертиза (далее — ЭЭ) так или иначе соотносится с (прикладной) антропологией, что в принципе неудивительно: большинство авторов — специалисты именно в этой области, а сама дискуссия разворачивается на страницах старейшего этнографического журнала на русском языке. В российском контексте внимание именно антропологов к ЭЭ кажется само собой

разумеющимся, пожалуй, не в последнюю очередь из-за советской инерции: самого названия дисциплины (этнология) и ее предмета (этнических групп). Столь же само собой разумеющейся, на первый взгляд, кажется и привилегированная вовлеченность антропологов как специалистов по этническим группам, их истории и культуре¹ в ЭЭ. Однако, если мы обратимся к мировому опыту оценки социального воздействия, будет ли роль антропологов столь же очевидной? Именно об этой роли я представлю краткое рассуждение на материалах Международной ассоциации оценки социального воздействия² (далее — Ассоциация). Надеюсь, в рамках дискуссии оно окажется уместным.

“Дисциплинарность” оценки социального воздействия и экспертного сообщества.

В статье 2012 г. о состоянии оценки социального воздействия А.М. Эстевес, Д. Фрэнкс и Ф. Ванклей дали последнему и такое определение среди прочих:

...оценка социального воздействия — это междисциплинарная и/или трансдисциплинарная социальная наука, которая инкорпорирует множество [научных] областей, включая социологию, антропологию, демографию, исследования развития, гендерные исследования, социальную и культурную географию, экономику, политическую науку и права человека, коммунальную и энвайронментальную психологию, методы социальных исследований и экологического права (*Esteves et al.* 2012: 34).

Следом в руководстве по оценке социального воздействия, подготовленном теми же авторами в сотрудничестве с И. Аукамп (*Vanclay et al.* 2015), среди подходящих для этих экспертных работ “социальных специалистов” перечисляются антропологи, психологи, географы, социальные и медицинские работники (*Ibid.*: 53). Таким образом, по крайней мере в этих двух текстах антропология и антропологи предстают лишь одними из возможных (желательных, но необязательных?) компонентов такой оценки. Другими словами, дисциплинарные поля антропологии и изучения социального воздействия оказываются пересекающимися, однако пересечение это происходит в “общесоциально-научной” части; соответственно и антропологи в рамках оценки социального воздействия предстают лишь в роли компетентных ученых — представителей социальных наук³. Вместе с тем в этой логике такие экспертные работы могут быть проведены и без них — силами других “социальных специалистов”.

“Российский опыт” на фоне мирового. Как следует из названия обсуждаемой статьи, Д.А. Функ и другие участники дискуссии пишут об ЭЭ как о “российском опыте оценки социального воздействия”. В то же время этнологическая экспертиза — не единственный претендент на это звание. В недавней статье в журнале Ассоциации “Impact Assessment and Project Appraisal” И. Гулаков и Ф. Ванклей (*Gulakov, Vanclay* 2018) в качестве оценки социального воздействия в Российской Федерации рассматривают социальную (социально-экономическую) составляющую оценки воздействия на окружающую среду (далее — ОВОС). Практики в общем-то не взаимоисключающие⁴, однако что первую, что вторую называть российской “оценкой социального воздействия”, мне кажется, можно лишь условно, т.к. ни в федеральном, ни в региональных законодательствах нет такого понятия и, соответственно, не предусмотрено такой процедуры⁵.

В то же время, как убедительно показывают Д.А. Функ, И. Гулаков и Ф. Ванклей, российские практики ЭЭ и социальной составляющей ОВОС в области оценки социального воздействия содержательно не соответствуют лучшим мировым: в первом случае имеет место методическая несопоставимость (*Функ* 2018а: 77, 2018б; *Поддубиков* 2018: 98), во втором — несоответствие международным стандартам качества (*Gulakov, Vanclay* 2018: 503). Однако кроме формальных (юридических) и содержательных расхождений между практиками есть еще и “организационные” различия между соответствующими экспертными сообществами. Международное, а также

некоторые национальные сообщества (преимущественно англоязычные) организованы в ассоциации, комитеты и “хабы”⁶ (при условии знания английского языка почти вся эта “инфраструктура” доступна российскому эксперту). В этих пространствах оценка социального воздействия как дисциплина институализирована объединениями, периодическими изданиями и нормативными документами. В России же, как мне кажется, при несомненном наличии экспертов в области оценки воздействия проектов развития (не в последнюю очередь из числа тех, кто имеет опыт проведения ЭЭ и ОВОС) не сложилось еще единое экспертное сообщество (но хочется надеяться, оно складывается): нет общероссийских и региональных объединений, сильные дисциплинарные барьеры, ограничен доступ к информации о проведенных оценках (как правило, доступен только “результат”). Другими словами, говорить об институционализации оценки социального воздействия в России, к сожалению, рано.

О прикладной антропологии. Поскольку в России оценка социального воздействия не институализирована, то речь может идти лишь о “дисциплинарности” ЭЭ и ОВОС. Исполнители большинства проанализированных Д.А. Функом ЭЭ — антропологи, что позволяет рассматривать этнологическую экспертизу в качестве практики прикладной антропологии. Исключение составляет ЭЭ в Республике Саха (Якутия) — единственном субъекте РФ, где процедура законодательно урегулирована, — в ней, по замечанию Н.И. Новиковой (Новикова 2018а: 92), антропологи не всегда участвуют⁷. Будучи недостаточно знакомым с якутской ЭЭ, я не могу ее охарактеризовать. Скажу лишь, что свою малую осведомленность о ней и о сформировавшемся вокруг нее сообществе я склонен рассматривать как возможный признак ее автономности.

ОВОС, как она урегулирована “Положением об оценке воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду”⁸, — это в первую очередь прикладная естественнонаучная практика. Несмотря на наличие “социально-экономической” составляющей, вовлечение представителей социальных наук в процедуру особо не оговаривается. Среди сотрудников известной мне организации, проводившей ОВОС по заказу крупной региональной добывающей компании (и к тому же аффилированной с ней), мне не удалось найти ни одного с социально-научным бэкграундом. Это наблюдение согласуется с опытом И. Гулакова и Ф. Ванклея, которые сообщают, что исследования социально-экономических условий в рамках ОВОС обычно проводятся самими компаниями: силами корпоративных экологов (Gulakov, Vanclay 2018: 503). В этом случае тем более не приходится говорить об участии антропологов в ОВОС.

В этом российском контексте разобщенности экспертных сообществ и неинституализированной оценки социального воздействия обращение Д.А. Функа к коллегам “использовать накопленный в мире позитивный опыт проведения SIA”⁹ (Функ 2018а: 78) выглядит призывом “проапгрейдить”/“переформатировать” ЭЭ до оценки социального воздействия. Это превращение ЭЭ неизбежно затронет профессиональную идентичность российских антропологов, потому что в России их дисциплина в силу, на мой взгляд, все той же советской инерции гуманитарна. Участие же в оценке социального воздействия потребует социально-научной переориентации и более интенсивного взаимодействия с представителями социальных наук, с которыми в настоящее время диалог, судя по кроссдисциплинарному цитированию, весьма ограничен. Другими словами, от антропологов потребуются такие “прикладные антропологии”, которые будут сопоставимы не только между собой, но и с прикладными исследованиями других представителей социальных наук.

В заключение я хочу привести пример разработки закона об экологической экспертизе, которая, как вспоминала в своем комментарии Н.И. Новикова (Новикова 2018а: 89), стала возможна благодаря *объединенным* усилиям. Мне кажется, именно такие — объединенные — усилия, в данном случае представителей разных социальных наук и специальностей, необходимы для появления в России оценки социального воздействия. В условиях продолжающейся экспансии добывающей промышленности и соответствующей экстрактивной государственной политики такой инструмент может оказаться полезным.

Примечания

¹ Хотя тема “этнического” — не исключительно антропологическая (см., напр.: Брубейкер 2012). В то же время сама идея того, что антрополог (или любой другой представитель социальных наук, который “занимается” этническим) — это специалист по этнической культуре (не будучи ее носителем, как в большинстве случаев), кажется мне странной. В моем представлении антропологи — специалисты по антропологии, соответствующей социальной теории и методам социальных исследований, в т.ч. “этнического”, “культуры” и других сущностей социальной онтологии. Специалистами же по этнической культуре являются собственно люди (“информанты”), от которых антропологи об этой культуре узнают.

² Англ. *International Association for Impact Assessment*, см.: <https://www.iaia.org>

³ Примечательно, что среди авторов этих текстов нет ни одного антрополога.

⁴ Так, приводимая Д.А. Функом “Этноэкспертиза на Ямале” (Головнёв и др. 2014) — пример совмещения ЭЭ и ОВОС. Однако у меня есть основания сомневаться в качестве социальной составляющей последней. В имеющихся в моем распоряжении материалах этой процедуры, заказанной одной крупной региональной добывающей компанией, представленные социально-экономические данные скупы, малопредставительны в отношении локальных сообществ и нерелевантны прогнозируемому воздействию. И это несмотря на то, что для подготовки проектной документации и материалов ОВОС должны были проводиться “социально-экономические исследования” (СНиП 1996). Причем никто из опрошенных мною жителей одного из затронутых проектом населенных пунктов не смог вспомнить, чтобы такие исследования проводились; более того, высказывались сомнения в том, что они вообще имели место (ПМА). К аналогичным выводам в отношении социальной составляющей ОВОС приходят И. Гулаков и Ф. Ванклей (Gulakov, Vanclay 2018: 503).

⁵ Проведенные же по заказу “Сахалин Энерджи” и УК “Колмар” оценки социального воздействия, хоть и осуществлялись в российском поле и при участии российских экспертов, на мой взгляд, нельзя назвать собственно российскими, т.к. их проведение обусловлено не требованиями российского законодательства, а условиями, выдвигаемыми международными финансовыми организациями (см.: Мамонтова 2015: 117; Gulakov, Vanclay 2018: 497).

⁶ См., напр.: The Interorganizational Committee on Guidelines and Principles for Social Impact Assessment и <http://www.socialimpactassessment.com>

⁷ Подробнее об ЭЭ в Республике Саха (Якутия) см., напр.: Басов 2018.

⁸ Приказ Госкомэкологии РФ от 16.05.2000 № 372 “Об утверждении Положения об оценке воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации”. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27864

⁹ Social Impact Assessment (рус. — оценка социального воздействия).

© Д. А. Функ

**ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ:
“ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА”:
ЗАВЕРШАЕМ РАЗГОВОР?**

Завершая ответ на реплики коллег, поступившие на исходный мой текст, опубликованный год тому назад (Функ 2018а), я отметил, что такого рода обсуждения важны для профессионального сообщества, поскольку позволяют не забывать о рефлексии, а в этом, собственно, и заключается кардинальное отличие науки от “управленчества”. Банальная мысль, но именно поэтому она вполне подходит и в данном случае. Отобранные редколлегией пять откликов из числа поступивших в редакцию после выхода шестого номера журнала за прошлый год продолжают обсуждение поставленных вопросов о сути и проблемах так наз. этнологической экспертизы в России. Идущие в колее уже заданных параметров дискуссии, все они так или иначе способствуют, как мне видится, ее углублению и развитию, и в этом смысле все они весьма важны.

Мне особо импонируют подходы молодых коллег С.О. Ковальского, Ю.В. Рожковой (МГУ) и С.А. Арцемовича (ТГУ), базирующиеся на их собственном полевом материале, знании отечественной, зарубежной литературы и практических рекомендаций, позволяющие не только на новом уровне обсуждать базовые проблемы, с которыми мы всякий раз сталкиваемся, пытаясь рассуждать об этнологической экспертизе или реализовывать некую ее разновидность на практике, но и задавать новые, порой неожиданные вопросы, высказывать неординарные мысли. Это могут быть частные уточнения, сделанные на примере из Горной Шории (юг Кемеровской обл.) в отношении неспособности ОВОС (на что я обращал внимание в своей исходной статье) защитить население от промышленного воздействия (Арцемович), или сомнения в возможности осуществления серьезной социальной оценки в рамках этого института в целом (Ковальский). Это может быть и указание на значимость оценок стратегических программ развития и стратегических проектов, позволяющих “проанализировать, насколько они будут отвечать принципам устойчивого развития, и какое воздействие окажут на окружающую среду, экономику и общества, которые попадут под влияние” (Рожкова), — о чем у нас, в отличие от ОВОС и ЭЭ, совсем или почти совсем не принято говорить. Автор реплики не просто указывает на существование такого рода процедур и методов в мировой практике, но и, на мой взгляд, абсолютно справедливо утверждает, что они нереализуемы при сохранении понятий и смысла этнологической экспертизы в том виде, в каком они в большинстве случаев понимаются у нас в стране. И это может быть, наконец, наиболее остро сформулированный во всей этой дискуссии вопрос: а насколько вообще антропологи нужны при проведении оценок социального воздействия? (Ковальский). Могут лишь подписаться под словами С.О. Ковальского о том, что российская антропология “гуманитарна. Участие же в оценке социального воздействия потребует социально-научной переориентации и более интенсивного взаимодействия

Дмитрий Анатольевич Функ | <https://orcid.org/0000-0002-4310-5924> | d_funk@iea.ras.ru | д.и.н., профессор, заведующий кафедрой этнологии исторического факультета | МГУ им. М.В. Ломоносова (Ленинские горы 1, Москва, 119991, Россия) | профессор кафедры антропологии и этнологии исторического факультета | НИ ТГУ (пр. Ленина 36, Томск, 634050, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 15-18-00112]

с представителями социальных наук”. Как скоро это произойдет и какую роль мы (мы ли?) сможем сыграть в этом процессе, пока сказать сложно.

Искренне признателен также Н.Б. Вахтину и А.Г. Новожилову за присланные ими отклики. Поскольку они в большей мере вызваны не моей статьей, а в целом всей подборкой, опубликованной год назад в журнале “Этнографическое обозрение”, я, не считая правильным отвечать за своих коллег, с которыми порой соглашались или спорят названные авторы, ограничусь буквально парой комментариев.

Идея переформатирования существующего понимания этнологической экспертизы с отказом ей в научном исследовании и с наделением ее юридическими полномочиями (“правовое заключение”), высказанная в реплике А.Г. Новожилова, не нова. Во всяком случае, в устной форме она имела место быть еще на заседаниях нашей рабочей группы в Госдуме, занимавшейся разработкой закона об этнологической экспертизе лет 15 тому назад. Тогда некоторые коллеги тоже предлагали отделять этап собственно научных исследований от принятия решений (экспертизы и заключения). Возможно, в таком видении что-то есть, но тогда почему эта финальная экспертиза должна носить название “этнологическая”? И здесь мы вновь приходим к обозначенному выше вопросу: а насколько вообще антропологи нужны при проведении оценок социального воздействия?

Проблема мне видится и в разновидностях предлагаемой собственно научной (этнологической) работы: “...реестры охраняемых территорий и объектов этнокультурного наследия (или реестры этнокультурных явлений: ритуалов, праздников, фольклорных текстов), описания моделей традиционного природопользования, соционормативные кодексы, формальные правила, принятые в локальных или сетевых сообществах” (Новожилов). Любой реестр, как мы хорошо знаем из истории и современной нам практики, (может быть невольно) и десакрализует, и убивает любую культуру в попытках ее сохранить и/или актуализировать. Списки существующего, списки “правильного”/аутентичного, списки единственно возможного... Логика развития мысли во всех такого рода реестрах, к сожалению, всегда примерно такова. Идти по этому пути, с моей точки зрения, — значит вновь возвращать антропологию в ее детскую фазу XIX в. с верой в наличие этнохарактерных элементов, в то, что их число ограничено, и в то, что они неизменны во времени и пространстве, превращая тем самым этнические, конфессиональные, языковые и прочие социальные группы в музейные экспонаты. Финансовая и организационная поддержка выявленных этнографами объектов, мест и проч. лишь усугубляет проблемы. В этом несложно убедиться, обратившись к феноменам “нематериального культурного наследия” ЮНЕСКО (см., напр.: *Tolia-Kelly et al.* 2017; *Hafstein* 2018), которые после включения в заветный список порой становились национальными, бизнес- и прочими проектами и — главное — вели к расколу индигенных сообществ. Высказанная в этой реплике идея регулирования “соционормативных установок: этикета, дресс-кода, ритуальных практик” (Новожилов) в еще большей степени кажется мне социально опасной. По-моему, у Джорджа Оруэлла в “1984” все это уже было однажды описано.

Н.Б. Вахтина я бы хотел особо поблагодарить за еще никем, кажется, не отмечавшийся и абсолютно верно подмеченный нонсенс в официальном определении “этнологической экспертизы” в Федеральном законе 82-ФЗ “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”. Действительно, получается, что “этнологическая экспертиза” должна заниматься исследованием влияния *природных* изменений на жизнь этнических сообществ, что практически невозможно. И это еще один значимый момент в попытках осмысления как феномена “этнологической экспертизы”, так и — в более широком смысле — роли антропологов/этнологов в современном обществе.

Надеюсь, дискуссия на этом не закончится — разве что она найдет иные площадки и в ней будет задействован иной состав авторов. В данном случае мне все же

кажется уместным завершить обсуждение проблем экспертного знания и его практического применения мыслью, выраженной в заключении статьи, ставшей поводом к дискуссии. Как очевидные недостатки современных этнологических экспертиз, так и известные положительные принципы проведения оценок воздействия управленческой и бизнес-деятельности на социум, используемые за рубежом, диктуют те перспективные направления, развитием и обязательной имплементацией которых следует заниматься. И еще одно: пора уже на самом деле «перестать — с оглядкой на изжившие себя риторические концепты — изобретать собственные виды “этноэкспертиз”, а начать, наконец, использовать накопленный в мире позитивный опыт проведения SIA...» (Функ 2018а: 78), по необходимости дополняя и развивая его.

Источники и материалы

- 174-ФЗ 1995 — Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 01.05.2019) “Об экологической экспертизе”. <http://consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=324008&fld=134&dst=126,0&rnd=0.14266070245680074#09822481578185707>
- 7-ФЗ 2002 — Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) “Об охране окружающей среды”. <http://consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=301549&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.5019352781924309#038832584716746976>
- 82-ФЗ 1999 — Федеральный закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” от 30.04.1999 № 82-ФЗ. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/
- Заключение 2018 — Заключение Общественной палаты Российской Федерации по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона “Об этнологической экспертизе в Российской Федерации”. https://www.oprf.ru/files/1_2018dok/zakl_etnologicheskaya_expertiza29052018.pdf
- ПМА — Полевые материалы экспедиции автора в Селемджинский р-н Амурской обл., март 2019 г.
- Положение 2000 — Положение об оценке воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации (Приложение к Приказу Госкомэкологии от 16 мая 2000 г. № 372). <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102094581&intelsearch=16.05.2000+%B9+372>
- СНиП 1996 — СНиП 11–02–96. Инженерные изыскания для строительства. Основные положения, п. 8.4 // Строительные нормы и правила Российской Федерации. <http://sniprf.ru/razdel-1/11-02-96>
- European SEA Directive 2001 — Directive 2001/42/EC of the European Parliament and of the Council of 27 June 2001 on the Assessment of the Effects of Certain Plans and Programmes on the Environment // EUR-Lex. Access to European Union law. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32001L0042>
- OECD2006 — Applying Strategic Environmental Assessment: Good Practice Guidance for Development Cooperation. Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development, 2006.
- UNEP 2009 — Integrated Assessment: Mainstreaming Sustainability into Policy-Making: A Guidance Manual. Geneva: United Nations Environment Program, 2009.
- World Bank 2011 — Strategic Environmental Assessment in Policy and Sector Reform: Conceptual Model and Operational Guidance. Washington, DC: World Bank, 2011.

Научная литература

- Арцемович С.А. Опыт оценки социального воздействия проектов угольной промышленности на индигенное население юга Западной Сибири. Дис. ... степени магистра, Томский государственный университет. Томск, 2018.
- Басов А.С. Диалог и бюрократические процедуры: этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия) РФ // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 91–123. <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/6>
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

- Головнёв А.В., Лёзова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: АМБ, 2014.
- Гучинова Э., Комарова Г. (ред.) Антропология социальных перемен. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
- Данилова Е.Н. Этнологическая экспертиза: современные концепции и подходы // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 127–134.
- Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: НЛО, 2012.
- Мамонтова Н.А. Коренные народы Сахалина и нефтедобывающие компании // Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов Севера Сахалина / Ред. Д.А. Функ. М.: Демос, 2015. С. 108–158.
- Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: этнологическая экспертиза 2011 года. М.: ИП. А.Г. Яковлев, 2012.
- Мурашко О.А. Так чему же учит опыт “этнологической экспертизы”? // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 82–86. <https://doi.org/10.31857/S086954150002453-8>
- Новикова Н.И. (отв. ред.) Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. М.: Издательский дом “Стратегия”, 2008.
- Новикова Н.И. Охотники и нефтяники: исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014.
- Новикова Н.И. Этнологическая экспертиза: уроки России // Этнографическое обозрение. 2018а. № 6. С. 87–92. <https://doi.org/10.31857/S086954150002453-8>
- Новикова Н.И. Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе и ожиданиях коренных народов // Арктика: экология и экономика. 2018б. № 1 (29). С. 125–135.
- Поддубиков В.В. Этнологическая экспертиза: десятилетие российского опыта и контекст мировой исследовательской повестки // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 96–100. <https://doi.org/10.31857/S086954150002453-8>
- Поддубиков В.В., Арцевич С.А., Функ Д.А. “Ресурсное проклятие” с антрацитовым отблеском: коренные народы и добывающие компании Кузбасса в ситуации конфликта // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 142–163. <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/8>
- Садовой А.Н. (отв. ред.) Этнологическая экспертиза. Вып. 1: Оценка воздействия ООО “МетАЛ”, ОАО “ММК” — “Магнитогорский металлургический комбинат” и УК “Южный Кузбасс” (стальная группа “Мечел”) на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО “г. Мыски” Кемеровской области. Кемерово: Изд-во ИУУ СО РАН, 2005.
- Садовой А.Н. (отв. ред.) Этнологическая экспертиза. Вып. 2: Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. Новосибирск: Параллель, 2008.
- Слепцов А.Н. Правовые основы этнологической экспертизы // Этнографическое обозрение. № 6. 2018. С. 92–95. <https://doi.org/10.31857/S086954150002453-8>
- Соколовский С.В. Современный этногенез или политика идентичности? Об идеологии натурализации в современных социальных науках // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 77–83.
- Степанов В.В. (ред.) Методы этноэкологической экспертизы. М.: ИЭА РАН, 1999.
- Степанов В.В. Принципы, объекты и терминология этнологической экспертизы // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник (ИЭА РАН). Вып. 34 / Ред. Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьева. М.: Наука, 2009. С. 143–160.
- Функ Д.А. (ред.) Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов Севера Сахалина. М.: Демос, 2015.
- Функ Д.А. “Ресурсное проклятие” (поиск новых подходов к “этнологической экспертизе” и оценке социального воздействия управленческих решений) // Мир культуры народов Севера: арктический вектор / Под общ. ред. О.Н. Астафьевой. М.: ООО «ИПП “КУНА”», 2016. С. 263–270.
- Функ Д.А. “Этнологическая экспертиза”: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое обозрение. 2018а. № 6. С. 66–79. <https://doi.org/10.31857/S086954150002453-8>
- Функ Д.А. Ответ оппонентам: продолжаем разговор // Этнографическое обозрение. 2018б. № 6. С. 100–104. <https://doi.org/10.31857/S086954150002453-8>

- Членов М.А., Крупник И.М. Наукан: главы к истории // Спасти и сохранить. Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения. Вып. I. М.; Анадырь, 2016. С. 38–73.
- Якель Ю.Я. Общая характеристика действующего законодательства. Проблемы и практики применения // Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза / Отв. ред. Н.И. Новикова. М.: Издательский дом “Стратегия”, 2008. С. 8–21.
- Esteves A.M., Franks D., Vanclay F. Social Impact Assessment: The State of the Art // Impact Assessment and Project Appraisal. 2012. Vol. 30. No. 1. P. 34–35. <https://doi.org/10.1080/14615517.2012.660356>
- Fischer T.B., Hayes S. Environmental Impact Assessment and Strategic Environmental Impact Assessment Research in the UK // Journal on Environmental Assessment Policy and Management. 2015. Vol. 17. No. 1. P. 1550016-1–150016-12.
- Gulakov I., Vanclay F. Social Impact Assessment in the Russian Federation: Does It Meet the Key Values of Democracy and Civil Society? // Impact Assessment and Project Appraisal. 2018. Vol. 36. No. 6. P. 494–505. <https://doi.org/10.1080/14615517.2018.1507111>
- Hafstein V.Th. Making Intangible Heritage: El Condor Pasa and Other Stories from UNESCO. Bloomington: Indiana University Press, 2018.
- Partidario M.R. Strategic Environmental Assessment: Better Practice Guide — Methodological Guidance for Strategic Thinking in SEA. Lisbon, 2012.
- Tolia-Kelly D.P., Waterton E., Watson S. Heritage, Affect and Emotion: Politics, Practices and Infrastructures. Oxford: Routledge, 2017.
- Vanclay F., Esteves A.M., Aucamp I., Franks D. Social Impact Assessment: Guidance for Assessing and Managing the Social Impacts of Projects. Fargo ND: International Association for Impact Assessment, 2015.

Research Article

Novozhilov, A.G., N.B. Vakhtin, S.A. Artsemovich, J.V. Rozhkova, S.O. Kovalsky, and D.A. Funk. “Ethnological Expert Assessment”: A Continuation of the Discussion [Etnologicheskaya ekspertiza: prodolzhenie diskussii no.6–2018]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 4, pp. 131–154. <https://doi.org/10.31857/S086954150006197-6> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Novozhilov, A.G. “Ethnological Expert Assessment”: An Academic Study or Legal Assessment? [Etnologicheskaya ekspertiza: nauchnoe issledovanie ili pravovoe zakliuchenie?]

Vakhtin, N.B. “Ethnological Expert Assessment”: Ethnic Groups or People? [Etnologicheskaya ekspertiza: etnosy ili liudi?]

Artsemovich, S.A. The Feasibility of Environmental Impact Assessment: The Case of Coal Mining in Kuzbass [Zhiznesposobnost' OVOS: primer ugledobychi v Kuzbasse]

Rozhkova, J.V. On Studying Development Programs: Ethnological Expert Assessment and Evaluation of Strategic Impact [Ob issledovaniiakh programm razvitiia: etnologicheskaya ekspertiza vs otsenka strategicheskogo vozdeistviia]

Kovalsky, S.O. Disciplinary Relationships between Anthropology and Social Impact Assessment [Distsiplinarnye otnosheniia antropologii i otsenki sotsial'nogo vozdeistviia]

Funk, D.A. “Ethnological Expert Assessment”: Shall We Close the Conversation? [“Etnologicheskaya ekspertiza”: zavershaem razgovor?]

Alexei Novozhilov | <https://orcid.org/0000-0002-2754-7909> | novogilov@mail.ru | St. Petersburg University (13B Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Nikolay Vakhtin | <https://orcid.org/0000-0002-4011-2141> | vakhtin@eu.spb.ru | European University at St. Petersburg (6/1a Gagarinskaya Street, 191187, St. Petersburg, Russia)

Sergey Artsemovich | <https://orcid.org/0000-0002-7185-8501> | s.artsemovich@gmail.com | National Research Tomsk State University (36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia)

Julia Rozhkova | <https://orcid.org/0000-0003-4678-0682> | konovalova-msu@yandex.ru | Lomonosov Moscow State University (GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia)

Slava Kovalsky | <https://orcid.org/0000-0001-8967-2644> | sokovalsky@yandex.ru | Lomonosov Moscow State University (GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia)

Dmitriy Funk | <https://orcid.org/0000-0002-4310-5924> | d_funk@iea.ras.ru | Lomonosov Moscow State University (GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

ethnological expert assessment, social impact assessment, indigenous peoples of the North, Russia

Abstract

This selection of critical comments is a continuation of the discussion which was originally published in the issue 6—2018 of *Etnograficheskoe obozrenie* and unfolded as a debate around arguments expounded in the article “Ethnological Expert Assessment”: A Russian Experience in Evaluating the Social Impact of Industrial Projects [“Etnologicheskaya ekspertiza”: rossiiskii opyt otsenki sotsial’nogo vozdeistviia promyshlennykh projektov] by D.A. Funk. The commenters continue to reflect on the definitions, types, practices, methods, and various facets of ethnological expert assessment in Russia.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [15-18-60108]

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [15-18-00112]

References

- Artsemovich, S.A. 2018. Opyt otsenki sotsial’nogo vozdeistviia projektov ugol’noi promyshlennosti na indigennoe naselenie yuga Zapadnoi Sibiri. MA diss., Tomsk State University, 2018.
- Basov, A.S. 2018. Dialog i biurokraticheskie protsedury: etnologicheskaya ekspertiza v Respublike Sakha (Yakutiia) RF [Dialogue and Bureaucratic Procedures: “Etnologicheskaya Ekspertiza” (Ethnological Impact Assessment) in the Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 2: 91–123. <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/6>
- Brubaker, R. 2012. *Etnichnost’ bez grupp* [Ethnicity without Groups]. Moscow: Izdatel’skii dom Vyshei shkoly ekonomiki.
- Chlenov, M.A., and I.I. Krupnik. 2016. Naukan: glavy k istorii [Naukan: Contributions to a History]. In *Spasti i sokhranit’. Kulturnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniia* [To Preserve and Save: The Cultural Heritage of Chukotka: Issues in Preservation]. Vol. 1: 38–73. Moscow; Anadyr.
- Danilova, E.N. 2018. Etnologicheskaya ekspertiza: sovremennye kontseptsii i podkhodi [Ethnological Expertise: Modern Concepts and Approaches]. *Ural’skii istoricheskii vestnik* 1 (58): 127–134.
- Descola, Ph. 2012. Po tu storonu prirody i kultury [Beyond Nature and Culture]. Moscow: NLO.
- Esteves A.M., D. Franks, and F. Vancly. 2012. Social Impact Assessment: The State of the Art. *Impact Assessment and Project Appraisal* 30 (1): 34–35. <https://doi.org/10.1080/14615517.2012.660356>
- Fischer, T.B., and S. Hayes. 2015. Environmental Impact Assessment and Strategic Environmental Impact Assessment Research in the UK. *Journal on Environmental Assessment Policy and Management* 17 (1): 1550016-1–150016-12.

- Funk, D.A., ed. 2015. *Kul'tura i resursy. Opyt etnologicheskogo obsledovaniia sovremennogo polozheniia narodov Severa Sakhalina* [Culture and Resources: The Experience of Ethnological Survey of the Current Situation of the Peoples of the North of Sakhalin]. Moscow: Demos.
- Funk, D.A. 2016. “Resursnoe proklyatie” (poisk novykh pododov k “etnologicheskoi ekspertize” i otsenke socialnogo vosdeystviya upravlencheskikh reschenii) [“Resource Curse” (Search of New Approaches to “Ethnological Expert Review” and Social Impact Assessment)]. In *Mir kul'tury narodov Severa: arkticheskii tsentr* [The World of Culture of Northern Peoples: The Arctic Center], edited by O.N. Astafieva, 263–270.
- Funk, D.A. 2018. “Etnologicheskaya ekspertiza”: rossiiskii opyt otsenki sotsial'nogo vozdeistviia promyshlennykh proektov [“Ethnological Expert Assessment”: A Russian Experience in Evaluating the Social Impact of Industrial Projects]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 66–79. <https://doi.org/10.31857/S086954150002453-8>
- Funk, D.A. 2018. Otvet opponentam: prodolzhaem razgovor [Response to Commenters: Continuing the Conversation]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 100–104. <https://doi.org/10.31857/S086954150002453-8>
- Golovnev, A.V., S.V. Lezova, I.V. Abramov, S.Yu. Belorussova, and N.A. Babenkova. 2014. *Etnoekspertiza na Yamale: nenetskie kochev'ia i gazovye mestorozhdeniia* [Ethno-Expertise in Yamal: Nenets Nomads and Gas Fields]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo AMB.
- Guchinova, E., and G. Komarova, eds. 2011. *Antropologiya sotsialnykh peremen. Issledovaniia po sotsiokulturnoi antropologii* [Anthropology of Social Change: Studies in Sociocultural Anthropology]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaya entsiklopediia (ROSSPEN).
- Gulakov, I., and F. Vanclay. 2018. Social Impact Assessment in the Russian Federation: Does It Meet the Key Values of Democracy and Civil Society? *Impact Assessment and Project Appraisal* 36 (6): 494–505. <https://doi.org/10.1080/14615517.2018.1507111>
- Hafstein, V.Th. 2018. *Making Intangible Heritage: El Condor Pasa and Other Stories from UNESCO*. Bloomington: Indiana University Press.
- Mamontova, N.A. 2015. Korennye narody Sakhalina i nefte dobyvaushchie kompanii [The Indigenous Peoples of Sakhalin and Oil Companies]. In *Kul'tura i resursy. Opyt etnologicheskogo obsledovaniia sovremennogo polozheniia narodov Severa Sakhalina* [Culture and Resources: An Ethnological Survey of the Current Situation of the Peoples Inhabiting the North of Sakhalin], edited by D.A. Funk, 108–158. Moscow: Demos.
- Martynova, E.P., and N.I. Novikova. 2011. Tazovskie nentsy v usloviakh neftegazovogo osvoeniia: etnologicheskaya ekspertiza 2011 goda [Nenets People of Tazovsky District in the Circumstances of Oil and Gas Extraction: Ethnological Expert Review of 2011]. Moscow: IP A.G. Yakovlev.
- Murashko, O.A. 2018. *Tak chemu zhe uchit opyt “etnologicheskoi ekspertizy”?* [So What Does the Experience of Ethnological Expert Assessment Teach Us?]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 82–86. <https://doi.org/10.31857/S086954150002453-8>
- Novikova, N.I., ed. 2008. *Liudi Severa: prava na resursy i ekspertiza* [People of the North: Rights to Resources and Expert Assessment]. Moscow: Izdatel'skii dom “Strategiia”.
- Novikova, N.I. 2014. *Okhotniki i nefedianiki: issledovanie po iuridicheskoi antropologii* [Hunters and Oilmen: A Study in Legal Anthropology]. Moscow: Nauka.
- Novikova, N.I. 2018. Etnologicheskaya ekspertiza: uroki Rossii [Ethnological Expert Assessment: Lessons of Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 87–92. <https://doi.org/10.31857/S086954150002453-8>
- Novikova, N.I. 2018. Etnologicheskaya ekspertiza v akademicheskoi diskurse i ozhidaniakh korennykh narodov [Anthropological Expert Review: Academic Discourse and Indigenous People's Expectations]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* 1 (29): 125–135.
- Partidario, M.R. 2012. *Strategic Environmental Assessment: Better Practice Guide — Methodological Guidance for Strategic Thinking in SEA*. Lisbon.
- Poddubikov, V.V. 2018. Etnologicheskaya ekspertiza: desiatiletie rossiiskogo opyta i kontekst mirovoi issledovatel'skoi povestki [Ethnological Expert Assessment: The Decades of Experience in Russia and the Context of the World Research Agenda]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 96–100. <https://doi.org/10.31857/S086954150002453-8>
- Poddubikov, V.V., S.A. Artsemovich, and D.A. Funk. 2018. “Resursnoe proklyatie” s antratsitovym otbleskom: korennye narody i dobyvaushchie kompanii Kuzbassa v situatsii konflikta [The “Resource Curse” with a Shade of Anthracite: Indigenous Peoples and Extractive Companies of Kuzbass in a Conflict Situation]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 2: 142–163. <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/8>

- Sadovoi, A.N., ed. 2005. *Etnologicheskaya ekspertiza. Vyp. 1: Otsenka vozdeystviia OOO "MetAL", OAO "MMK" — "Magnitogorskii metallurgicheskii kombinat" i UK Yuzhnyi Kuzbass" (stal'naia gruppа "Mechel") na sistemy zhizneobespecheniia avtokhtonnoho i russkogo naseleniia Chuvashskoi sel'skoi administratsii MO "g. Myski" Kemerovskoi oblasti* [Ethnological Expertise. Issue 1: An Assessment of the Impact of MetAL Ltd., MMK OJSC ("Magnitogorsk Metallurgical Plant") and Management Company "Southern Kuzbass" (The "Mechel" Steel Group) on Life Support Systems among the Autochthonous and Russian Population, Carried out by the Chuvashenskiy Village Council, Kemerovo Region]. Kemerovo: Izdatel'stvo IUU SO RAN.
- Sadovoi, A.N., ed. 2008. *Etnologicheskaya ekspertiza. Vyp. 2, Etnopoliticheskie, sotsial'no-ekonomicheskie i etnodemograficheskie protsessy v srede teleutov Belovskogo i Gur'evskogo raionov Kemerovskoi oblasti* [Ethnological Expertise. Vol. 2, Ethno-Political, Social, Economic and Ethno-Demographic Processes among the Teleuts Inhabiting the Regions of Belovo and Gurievo of the Broader Region of Kemerovo]. Novosibirsk: Parallel'.
- Sleptcov, A.N. 2018. *Pravovye osnovy etnologicheskoi ekspertizy* [Legal Foundations of the Ethnological Expert Assessment]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 92–95. <https://doi.org/10.31857/S086954150002453-8>
- Sokolovskii, S.V. 2012. *Sovremennyi etnogenez ili politika identichnosti? Ob ideologii naturalizatsii v sovremennykh sotsialnykh naukakh* [Modern Ethnogenesis or Identity Policy? On Ideology of Naturalization in Modern Social Sciences]. *Etnograficheskoe obozreniie* 2: 77–83.
- Stepanov, V.V., ed. 1999. *Metody etnoekologicheskoi ekspertizy* [Methods of Ethnoecological Assessment]. Moscow: IEA RAN.
- Stepanov, V.V. 2009. Printsipy, ob'ekty i terminologiya etnologicheskoi ekspertizy [Principle, Objects, and Methods of Ethnological Expertise]. In *Rasy i narody* [Races and Peoples], edited by N.A. Dubova and L.T. Solovieva, 34: 143–160. Moscow: Nauka.
- Tolia-Kelly, D.P., E. Waterton, and S. Watson. 2017. *Heritage, Affect and Emotion: Politics, Practices and Infrastructures*. Oxford: Routledge.
- Vanclay F., A.M. Esteves, I. Aucamp, and D. Franks. 2015. *Social Impact Assessment: Guidance for Assessing and Managing the Social Impacts of Projects*. Fargo ND: International Association for Impact Assessment.
- Yakel, Yu.Ya. 2008. Obshchaya kharakteristika deistviushchego zakonodatel'stva. Problemy i praktiki primeneniia [General Characteristics of the Current Legislation: Problems and Practices]. In *Liudi Severa: prava na resursy i ekspertiza* [People of the North: Rights to Resources and Expert Assessment], edited by N.I. Novikova, 8–21. Moscow: Izdatel'skii dom "Strategiya".